

Труфанов С.Н.
Курс видеолекций: "Классическая философия"

Часть II
СИСТЕМА КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Лекция №11 (4)

НАУКА ЛОГИКИ. УЧЕНИЕ О СУЩНОСТИ

Добрый день. Сегодня я прочту 4-ю лекцию по курсу "Система классической философии". С учётом ранее прочитанных нами во "Введении в классическую философию" семи лекций она будет 11-й. Называется эта лекция "Наука логики. Учение о сущности". В предыдущей – 10-й – лекции мы с вами познакомились с первым разделом "Науки логики" "Учением о бытии", а в сегодняшней лекции мы познакомимся со вторым разделом "Учением о сущности."

В "Учении о бытии" речь шла о первом этапе процесса познания, на котором мы только обнаруживаем интересующие нас предметы и определяем их меру. Здесь же в "Учении о сущности" мы будем говорить уже о том, как мы раскрываем внутреннее строение предметов и их внешние связи.

Начальные представления о сущности вещей появляются в наших головах благодаря детским сказкам, где дуб оборачивается богатырём-молодцем, болотная лягушка – красивой женщиной, а стая лебедей – юношами-братьями. В школьные годы такие экзотические представления о сущности дополняется примерами из природы, где явление метаморфозы живых организмов демонстрирует юному сознанию чарующую эквилибристику форм. Один и тот же организм последовательно предстаёт в разных формах: икринка → головастик → лягушка; бабочка → личинка → гусеница → кокон → бабочка, и т.д. по кругу. Отсюда у детей возникает представление о сущности, как о чём-то таинственном и непредсказуемом.

Подобные представления, хотим мы того или нет, довлеют над нашим сознанием задолго до того момента, когда мы всерьёз начинаем задумываться над тем, что такое сущность.

При переходе к научному познанию сущности возникает два вопроса. Познаваема ли сущность вещей в принципе? И если познаваема, то что тогда является существенным в вещах? Что в них надо познавать, чтобы понять их сущность?

Что касается первого вопроса – познаваема ли сущность, то он далеко не случаен. Например, Иммануил Кант, человек оказавший большое влияние на всю последующую философию, полагал, что сущность вещей не познаваема. И не потому, что она есть нечто недоступное, а потому, что мы (люди) обладаем несовершенными инструментами познания. Мы способны познавать окружающие нас вещи лишь такими, какими они нам даются через наши субъективные *ощущения* и столь же субъективные *категории* мышления. Поэтому каковы вещи *сами по себе* или *в себе*, по своей собственной сущности, мы этого знать не можем в принципе.

Другие философы, напротив, считали, что сущность вещей познаваема и что производимые нами знания об окружающем нас мире имеют объективный характер. Но этим положением – сущность познаваема, они и ограничивались. Второй вопрос – что является существенным в вещах, им представлялся уже неуместным. О какой определённости может идти речь, если в принципе нельзя заранее предугадать, чем сущности обернётся в процессе её познания? Такие философы напоминают того бравого парня из анекдота, который на предложение подумать как лучше снять плоды с дерева,

отвечал: а что тут думать, трясти надо.

Задача нашей науки логики состоит в том, чтобы не только высказать положение о познаваемости сущности, а дальше стоять насмерть, охраняя его от любых посягательств, но и в том, чтобы раскрыть, *что* является существенным в вещах и *как* это *существенное* может быть познано. Вот как сформулировал эту мысль Гегель: к тем философам, "которые мнят, что постоянными разговорами о сущности они проникают в суть вещей, я отношусь без малейшего уважения. Эксплицировать сущность – значит показать, как она является в наличном бытии".¹

§112. Формирование научного представления о сущности вещей мы начинаем со снятия с меры их наличного бытия определения *абсолютной неразличённости*. Того самого определения, которым мы завершили процедуру обнаружения их бытия. Тем самым мы как бы сбрасываем покрывало с этих вещей и начинаем рассматривать их изнутри. В прошлой лекции я приводил пример с островом, что дескать на ступени обнаружения бытия мы только нашли интересующий нас остров и обошли его со всех сторон. Теперь же, на этапе познания его сущности мы высаживаемся на этот остров и далее будем исследовать его во всём богатстве его содержания.

§113. Все окружающие нас предметы раскрывают себя, свой образы благодаря *рефлексии*. Слово *рефлексия* означает взаимное отражение предметами друг друга, по ходу чего они показывают свои различия. На ступени обнаружения бытия мы имели лишь простую *видимость* предметов, которую определяли посредством таких категорий как *ничто* и *иное*, *одно* и *другое*, и т.д. На ступени познания сущности мы имеем уже *рефлексию* предметов друг в друга, и соответственно, их рефлексивные определения. Все категории (определения) сущности имеют рефлексивный характер.

Поясним это на следующем примере. Мы знаем, что в театрах идут различные спектакли, поставленные по соответствующим пьесам. На этапе обнаружения бытия мы лишь устанавливаем факт наличия в данном городе театров и идущих в них пьес. А далее мы выбираем одну из этих пьес и идём в театр, чтобы её посмотреть. Вот этот шаг от процедуры выбора пьесы к походу в театр соответствует логическому переходу от сферы категорий *бытия* к сфере категорий *сущности*.

Рефлексия начинается с различия действующих лиц на сцене. В ходе спектакля все его персонажи обыгрывают свои образы друг через друга. *Отражаясь* друг в друге, они раскрывают и показывают самих себя, свои роли, своё значение. Слуга высвечивает образ господина, а господин – образ слуги. Если этот господин является ещё и женихом, то он высвечивает собой образ невесты, а невеста, соответственно, образ жениха. Если слуга стар, то через рефлексию (отражение) в нём обнаруживают себя более молодые персонажи пьесы.

При этом каждый герой пьесы отражается не только в каком-то одном персонаже, с которыми он связан по роли (слуга – господин, жених – невеста, учитель – ученик), но и во всех других персонажах тоже. В этом смысле не только окружение играет короля, но и сам король, становясь окружением, обыгрывает собой образы всех других героев пьесы.

Вот этой данности окружающего нас мира – наличию в нём различий – соответствует наша способность к их восприятию. И эта способность восприятия различий не была дана нам от рождения и не была изобретена нами самими каким-то искусственным образом. Она возникает у человека естественным путём по ходу его общего развития.

В раннем детстве ребёнок начинает постигать мир с восприятия того, что его окружают какие-то предметы. Кто-то берёт его на руки, куда-то кладёт, отходит от него, подходит к нему и т.д. В этот период окружающий мир существует для ребёнка лишь в

¹ Там же, Т.2. М., 1975. С. 561.

форме наличия чего-то внешнего по отношению к нему. Все те люди, которые ухаживают за ребёнком, ещё неразличимы для него. Он уже ощущает их, и психика подсказывает ему, кто из них свой, а кто чужой, но для его едва наметившегося сознания они ещё не обладают различиями.

В возрасте 3-х лет и далее окружающие люди и вещи начинает приобретать в формирующемся сознании ребёнка *рефлективные* определения *существования*. Для него появляются различия между мальчиками и девочками, взрослыми и детьми, мужчинами и женщинами, знакомыми и незнакомыми, родственниками и не родственниками и т.д. Позднее появятся различия национальностей, социальных статусов, характеров, профессий, судеб, говоров и диалектов, обрядов и традиций, званий и должностей, вкусов и привычек, и множество других.

Вот так у человека формируется способность к восприятию внешних различий. И только благодаря этой способности в головах людей появляются знания. Всё духовное содержание человека, все его знания (образы, представления, понятия предметов) создаются благодаря его способности к восприятию различий, или, говоря иначе, его способности к рефлексии.

Психологически это наиболее трудный этап в развитии сознания человека, поскольку безликость бытия здесь уже снята, и мир уже обнаружил для него все свои различия, тогда как разумного понимания их единства на данной ступени ещё нет.

Кто-то, находясь на этой ступени, делает вид, что он по-прежнему не замечает никаких различий и, соответственно, возникающих на их основе проблем. Кто-то, наоборот, заикливается на этих различиях и абсолютизирует их. Таким людям начинает казаться, что все возникающие на этой основе проблемы можно было бы решить радикальным способом, за счёт физического уничтожения неприязненных им различий. Отсюда появление таких человеконенавистнических теорий и практик, как расизм, нацизм, религиозный фанатизм, и им подобных.

Но даже если допустить, что таким людям действительно удалось бы реализовать свои намерения, то это не привело бы их к желаемому результату. Почему? Потому, что различия были, есть и всегда будут. И если устранить одни различия, то на их место встанут другие. Как в сказке про Гулливера, где враждовали между собой две группировки. Почему враждовали? Потому, что представители одной группировки разбивали варёное яйцо с острого конца, а представители другой – с тупого.

Различия, как мы уже сказали, были, есть и всегда будут. Поэтому обе указанные крайности отношения к ним – и когда делают вид, что не видят никаких различий, и когда, напротив, заикливаются на них, не соответствуют сути понятия рефлексии.

Истина состоит не в том, что бы останавливаться (застрывать) на этой второй ступени рефлексии, где мы уже способны видеть различия, а в том, чтобы восходить на третью её ступень, которая требует от нас учиться жить в единстве окружающих нас различий. Это требование, выражаясь словами Канта, является категорическим императивом нашей цивилизации.

Но на этом пути тоже случаются свои крайности. Находятся такие носители различий, которые вроде бы соглашаются жить в единстве со всеми, но лишь при условии, если им будут предоставлены какие-то льготы и привилегии. На каком основании? На том единственном, что они отличаются от других.

Носителям таких различий следовало бы иметь в виду, что единство за счёт льгот и привилегий – это как любовь за деньги. Здесь нет искренности, а значит нет и истинного единства. Во-вторых, любая льгота – это чья-то дискриминация. И, в-третьих, различия есть у всех, а значит и все другие также могут претендовать на льготы, что обесмысливает само это понятие.

(Речь здесь идёт конечно же не о тех социальных группах, которые действительно нуждаются в льготах и имеют их: дети, женщины, инвалиды, участники, и т.д.)

§114. Рефлексия включает в себя три последовательных шага.

1. На первом этапе мы исследуем каждый предмет сам по себе и выявляем его внутренние различия: стороны, части, элементы, детали и т.д. Этот вид рефлексии

называется *внутренней* рефлексией, или рефлексией *вовнутрь*, или рефлексией *в себя* (в предмет).

2. Затем мы переносим своё внимание за пределы данного предмета и определяем его свойства и его связи с другими предметами. Это – *внешняя* рефлексия, или рефлексия *вовне*, или рефлексия *в другое*.

3. Далее мы соединяем *внутреннюю рефлексия* с *внешней* и в итоге получаем *полную* рефлексия, или *единство* рефлексии *в себя* (вовнутрь) и рефлексии *в другое* (вовне).

В более привычной форме *полная* рефлексия означает требование "всестороннего рассмотрения предмета". Но это требование не исчерпывает сути рефлексии, поскольку надо ещё знать последовательность такого рассмотрения, которую как раз и призвано показать нам учение о сущности.

Учение о сущности содержит в себе три раздела:

1. *Существование*,
2. *Явление*,
3. *Действительность*.

Названные ступени постижения сущности являются как бы повторением ступеней бытия, но на новом уровне. Ступень *существования* соответствует чистому бытию, ступень *явления* – наличному бытию, ступень *действительности* – определённого бытию (для себя бытию).

Существование

а. ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕФЛЕКСИИ

§115. Сняв определение абсолютной неразличённости, мы обнаруживаем следующую картину. Всё то из чего состоит интересующая нас область мира, сколь **различно** между собой, столь и **тождественно** в своём различии, т.е. схоже, одинаково.

Различие при этом обнаруживает себя через тождество (схожесть) предметов, а *тождество* – через их различие.

Если какие-то предметы являются только тождественными (схожими на 100%) и не имеют различий, то это значит, что мы имеем дело с копиями одного и того же предмета. Такие предметы-копии называются не тождественными, а **идентичными**. Тождество же (в философском понимании этого слова) с необходимостью предполагает различия.

Так, например, планеты солнечной системы обнаруживают своё различие только через своё тождество, ибо при всех различиях они все суть планеты. Точно так же все люди различны. Каждый человек имеет свою фигуру, своё лицо, и т.д. Но своё лицо (фигуру, манеры, и т.д.) человек имеет лишь постольку, поскольку есть *другие* лица *других* людей. И только отражаясь в этих лицах, человек имеет своё лицо. Точно так же все семьи похожи друг на друга, но при этом каждая семья чем-то отличается от остальных. Равным образом, каждая страна, нация, государство также представляет собой нечто отличное от других, но в то же время они чем-то схожи (тождественны).

§115а. Первым определением существования является **тождество**. Почему тождество? Потому, что все те предметы, к познанию которых мы теперь приступаем, принадлежат к одной мере наличного бытия, а стало быть к одному *качеству*. И вот эта принадлежность к единому качеству, говорит нам о том, в этих предметах уже изначально заложено некое тождество.

§116. Вторым определением существования является **различие**. Оно выступает как противоположность тождеству, как его отрицание. Но в то же время оно является неотторжимым продолжением этого тождества.

§117. Начальная форма различия – это голая **разность**, при которой различаемые предметы не имеют между собой никакой связи. Например, мы можем сравнить почтовый конверт и верблюда или айсберг и пуговицу. Основание для такого сравнения будет находиться не в самих предметах, а в том человеке, который делает это сравнение.

§118. Вторая форма различия предполагает наличие у предметов некоторого тождества (схожести). Таковыми являются какие-либо родственные предметы, которые мы сравниваем через их **несущественные различия**. Например: высокий и невысокий человек, полный и худой, блондин и брюнет, и т.п. Основание для сравнения таких предметов находится уже не в том субъекте, который их сравнивает, а в самих этих предметах.

§119. Третья форма различий – это те, которые являются **существенными** различиями. Например, различие мужчины и женщины, прихожанина и священника, врача и пациента. Такие существенные различия имеют форму **противоположности**.

§120. Обе стороны такой противоположности составляют **единство**. Это значит, что одна сторона данной противоположности существует лишь постольку, поскольку имеется другая сторона, и в то же время лишь постольку, поскольку она не есть эта другая

сторона, а есть её противоположность. Например. Мужчины не существуют без женщин, священники без прихожан, слуги без господ, учителя без учеников, и т.п.

Основанием существования таких противоположностей является сама их противоположность. Обе её стороны погружены в это основание как *тождество*, и проявляют (манифестируют) себя из него как *различия*. Например. Половой способ продолжения человеческого рода обуславливает существование мужчин и женщин. Процесс передачи знаний новым поколениям обуславливает существование учителей и учеников. И т.д.

§121. Каждый предмет связан отношением противоположности не с каким-то одним, а с многими предметами. Другими словами, он является стороной не одной, а **многих** противоположностей. Например, как муж данный человек противоположен своей жене, как отец – детям, как сын – родителям, как прихожанин – священнику, как работник – фирме, и т.д.

При этом основание одной такой противоположности обосновывает собой существование другой противоположности, которая в свою очередь обосновывает существование третьей противоположности, и т.д. И вот такая развивающаяся в разные стороны паутина отношений противоположности связывает отдельные предметы в единую **систему**.

§122. Данная система является общим основанием существования всех входящих в неё предметов. И, соответственно, **сущность** этой системы определяет собой существование всех её предметов. Будь эта система человеческим обществом, биоценозом живых организмов, или системой небесных тел.

Данный пункт логики является очень важным для понимания истинной природы вещей. Здесь мы имеем непривычный для обыденного сознания ход мысли. Именно сущность является основанием существования всех тех предметов, которые нас окружают, а не наоборот. Если есть сущность, значит, будет и существование. Иначе говоря, именно сущность даёт предметам право на существование. Например, сущность автомобилестроительного завода является основанием существования всех его особенных подразделений и должностей. Если замыслом автора пьесы предусмотрены какие-то роли, то, следовательно, будут и актёры, их исполняющие. Если есть обусловленное сущностью *место*, значит, будет и его *наполнение*.

Ф.М. Достоевский в романе "Преступление и наказание", характеризуя постояльцев дома, в котором квартировал Раскольников, пишет: "Дом заселён был всякими промышленниками – портными, слесарями, кухарками, разными немцами, девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством и проч." Конечно, "живущие от себя" – это крайнее проявление скудости духовных задатков. Но само выражение *живущими от* чего-то, от какого-то определённого дела или промысла, очень удачно передаёт логический смысл определения *существования*, основанием которого является какая-то сущность.

В нашем (русском) языке имеется слово *присутствие*. На ступени обнаружения бытия мы имеем лишь *наличие* вещей. На ступени познания сущности мы ведём речь уже об их *присутствии*, о том, что они существуют при определённой *сути* (при-*суть*-ствии). То, что я, например, имею место *быть* в этом мире, было установлено ещё на этапе обнаружения бытия. Здесь же, в учении о сущности, мы говорим уже о моём *существовании*. То, что я живу, работая, допустим, учителем, имеет своей основой то, что общество производит знания о мире и передаёт их подрастающим поколениям. Следовательно, основанием моего существования в качестве учителя является сущность той системы, которой мы принадлежим. Называется эта система обществом.

6. СУЩЕСТВОВАНИЕ

§123. *Существование* представляет собой определённое множество предметов, которые взаимно обуславливают собой друг друга. Существование, следовательно, это

бесконечный ряд сцепления оснований и обоснований. Основание существования одного предмета переходит в обоснование существования другого, которое в свою очередь обосновывает существование третьего предмета, и т.д. Например, смысл существования учителей состоит в том, чтобы обучать учеников. Существование учеников, в свою очередь, обосновывает существование учителей, а также – школ, учебников, тетрадей, и т.д. Существование учебников, со своей стороны, обосновывает существование бумагоделательных комбинатов, типографий и прочего.

§124. Но существование каждой вещи обосновывается не только со стороны её внешних связей, но и со стороны её собственного основания. Чтобы существовать в качестве самой себя, сообразно своей сущности, вещь должна не только быть в наличии, но и быть способной к такому существованию в качестве самой себя. Только при наличии: а) внешнего обоснования и б) собственного основания, существующее определяется как *вещь*. То, что до этого мы называли *вещью*, теперь получает здесь своё законное определение.

Это весьма важный пункт логики. Чтобы вещь могла существовать согласно своей сущности, она должна находиться в *развитом, зрелом* состоянии. Семя, эмбрион, неразвитое состояние ещё не являются полноценной вещью. Поэтому такие состояния можно с полным правом характеризовать как *вещь в себе*. Так, например, человек в себе – это ребёнок, задача которого состоит не в том, чтобы оставаться в этом неразвитом состоянии *в себе*, а в том, чтобы стать также и *для себя* тем, что он пока есть лишь *в себе*, а именно взрослым, разумным, самостоятельным человеком. И точно так же государство "в себе" есть ещё неразвитое патриархальное государство, в котором содержащиеся в его понятии различные функции ещё не раскрылись соответствующим образом.

Все вещи развиваются, и только достигнув своего развитого состояния, состояния *для себя*, они становятся способными к существованию на собственной основе, т.е. согласно своей сущности. А это значит, что и познавать сущность вещи следует, основываясь не на любом её состоянии из числа тех, которые можно обнаружить в её истории или в её наличном бытии, а на самом развитом её состоянии, которого она достигла в ходе своего развития.

Здесь уместно вспомнить сказку Ганса Христиана Андерсена о гадком утёнке. Обидного названия "гадкий" птенец удостоился потому, что, глядя на него, никто не мог определить, кто же он такой, и потому все принимали его за уродливого детёныша утки, пока он не вырос в прекрасного лебедя. Все вещи суть сначала *в себе*, но на этом дело не останавливается.

в. ВЕЩЬ

§ 125. В силу того, что вещь является стороной многих противоположностей, она обладает **свойствами**. Эти свойства не остаются замкнутыми на самой вещи. Они проявляют себя в отношении других вещей. Можно сказать и так, что свойства вещи существуют не ради неё самой, а ради тех других предметов, которые их потребляют.

Качество и свойство – не одно и то же. Вещь может потерять отдельное свойство, но оставаться тем, что она есть. Например, утюг, у которого не работает парообразователь, продолжает быть утюгом. Тогда как потеря качества означает полное прекращение существования вещи в качестве самой себя, её гибель.

§126. *Свойства* вещи, как мы уже сказали, проявляют себя через её отношение к другим вещам. Но по отношению к самой себе вещь состоит не из свойств, а из различных *веществ* или *материалов*. Благодаря наличию таких веществ (материалов) вещи обладают устойчивым существованием.

§127. Слияние *свойств* вещи и её *материалов* до их полной неразличимости даёт нам определение **материи**. Другими словами, слияние имеющихся в вещах различий

(свойств, веществ) приводит к тому, что они становятся неразличимыми фрагментами единой материи как таковой.

§128. Если слияние свойств вещи даёт нам определение *материи*, то обратное действие – восприятие вещи в целокупности всех её свойств, даёт нам определение *формы*. Все вещи имеют форму. Материя не существует без формы. Она носит принцип формы в самой себе.

Историческая заслуга в разработке данного пункта логики принадлежит школе неоплатоников (3-й век н.э.) и её основателю **Плотину**, в частности (3-й век н.э.). Именно этот ход мысли привёл Плотина к понятиям *единого* и его *эманации*. Мы отчасти говорили об этом в 4-й лекции.

§128а. Как нечто всегда оформленное, материя предстаёт перед нами в виде множества обособленных предметов. Иначе говоря, предстаёт как всё то, что разделено и обособлено. А то, что разделено и обособлено способно оказывать нам (людям) сопротивление. В свою очередь, всё то, что способно оказывать нам сопротивление, становится предметом нашего чувственного восприятия.

Материя, следовательно, это всё то, что мы ощущаем (воспринимаем чувственно). А ощущаем мы лишь то, что разделено и обособлено, что существует в виде множества отдельных предметов.

Здесь мы вспомним так называемое *ленинское* определение материи, согласно которому *материя* есть "...философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них".

Справедливости ради надо сказать, что основу этого определения сформулировал ещё Поль Гольбах в 18 столетии. Вот что он писал: материя – это "всё то, что каким-либо образом воздействует на наши чувства". В.И. Ленин привнёс в это определение слова "объективная реальность", в результате чего создал своё определение материи.

Нетрудно заметить, что в этом ленинском определении материи содержится в снятом виде и гегелевское определение, согласно которому материя – это в первую очередь всё то, что разделено и обособлено.

§129. Вещь, таким образом, распадается в себе на *материю* и *форму*. Каждое из этих определений представляет собой всю вещь целиком: материя – через отрицание её свойств, а форма – через их утверждение. В этом смысле материя и форма не делимы друг от друга. Не бывает, как уже было сказано, материи без формы, как и формы без материи.

§130. Восприятие вещи в совокупности её свойств, даёт нам её *форму*. А отрицание свойств вещи даёт нам определение *материи* как таковой. Это в свою очередь означает, что каждая вещь сколь самостоятельна в своём существовании, столь и не самостоятельна. Она самостоятельна как обладающая своей конкретной формой. И она не самостоятельна как принадлежащая единой в себе материи как таковой.

§130а. Будучи единством данной противоположности вещь предстаёт перед нами как *явление*. "Это что за явление?" – говорим мы, увидев перед собой что-то непривычное, но явно состоящее *из того же теста*, что и все другие вещи.

Например, если на одной клумбе растут одновременно разные цветы: пионы, ирисы, тюльпаны и т.д., то все они представляют собой одну всеобщую материю. Но поскольку форма у каждого цветка своя, то это делает его *явлением*. Все реальные вещи уходят своими корнями в одну-единственную материю, но при этом каждая вещь являет себя нам лишь как одна из её форм.

У эскимосов и других северных народов, где снег лежит почти круглый год, нет общего понятия *снег*, а есть только определения его разновидностей: падающий, летящий, лежащий, крупяной, мокрый и т.д. Такова и материя вообще. Она проявляет себя лишь только посредством конкретных форм.

Явление

§ 131. Вещи существуют как явления. И в этом явлении вещи проступает её сущность. Сущность не находится за явлением или по ту сторону его. Но именно потому, что сущность есть то, что существует, существование вещи есть *явление*.

а. Мир явлений

§ 132. Все окружающие нас вещи, рассматриваемые в их многообразных связях друг с другом, образуют единый *мир явлений*. При этом каждая вещь, как рефлектированная в самой себя, представляет собой свой собственный *мир явлений*. А как рефлектированная вовне, в окружающие её предметы она принадлежит внешнему по отношению к ней *миру явлений*.

Поскольку существование вещи, определяется с двух сторон: а) её собственным внутренним устойчивым началом, и б) её подчинённостью внешнему миру, она столь устойчива в своём явлении, столь и изменчива. Сохраняя свой внутренний мир, она изменяет окружающие предметы. А подчиняясь внешнему миру, она изменяет самую себя.

б. Содержание и форма

§133. В силу наличия в вещах такой противоположности – их внутреннего устойчивого основания и их подчинённости внешнему изменчивому миру, они имеют двойственную форму. Во-первых, *внутреннюю* форму, а во-вторых, *внешнюю* форму.

Внешняя форма вещи – это её *внешний облик*, *внешний вид*. Она относительно свободна от содержания вещи и непосредственно не связана с ним. Но она связана с окружающим миром, которому эта вещь подчинена.

Внутренняя форма вещи – это её *строение*, которое неотъемлемо от её *содержания*. Здесь мы имеем их переход друг в друга. *Содержания* вещи переходит в её строение (внутреннюю форму), а *строение* вещи – в её содержание (в содержащиеся происходящих в ней процессов, если таковые имеются).

Историческая заслуга в разработке данного пункта учения о сущности принадлежит Платону и Аристотелю (4-й век до н.э.).

§134. В своём единстве *строение* и *содержание* вещи образуют её *закон*. Это значит, что вещь такова, каково её строение и содержание. Они сохраняются в вещи, несмотря на все её внешние изменения. И пока они сохраняются вещь остаётся тем, что она есть, равной своей изначальной сущности.

Единство строения и содержания вещи обуславливает наличие в ней *существенных связей*.

в. Существенные связи

Виды *существенных связей*:

- а) часть – целое,
- б) сила – обнаружение,
- в) внутреннее – внешнее.

Часть – целое

§135. Вещь представляет собой нечто целое, но при этом она состоит из частей. *Части* обладают некоторой самостоятельностью, как по отношению друг к другу, так и по отношению к целому. Но они являются частями лишь постольку, поскольку все вместе образуют *целое*, которому они принадлежат. Употребляемое здесь слово "вместе" уже несёт в себе указание на отрицание самостоятельности частей и их принадлежность целому.

Связь *частей* в пределах целого прослеживается в обоих направлениях рефлексии: как в самую вещь, так и вовне её. Вещь сама состоит из частей, но при этом она является *частью*, какого-то более крупного целого. Каждая *часть*, следовательно, представляет собой нечто *целое*, которое состоит из своих *частей*. А *целое*, в свою очередь, является лишь *частью* другого, более крупного *целого*.

Например, Солнечная система является *частью* галактики Млечного пути. При этом она сама состоит из *частей*, которыми являются входящие в неё небесные тела: кометы, астероиды, планеты и их спутники. Точно так же любой живой организм сам является *целостной* системой, по отношению к которой все его члены и органы являются лишь его *частями*. Но в то же время каждый такой организм сам является лишь *частью* того биоценоза, которому он принадлежит.

Сила – обнаружение

§136. Выявление связи *частей* в пределах *целого* составляет важный шаг в деле познания сущности интересующих нас предметов. Но по глубине проникновения этот вид связи соответствует лишь механическому взгляду на природу вещей. Тем не менее эта начальная ступень познания свойственна нашему рассудку и необходима.

Более высокая ступень познания сущности состоит в рассмотрении частей как *сил*, а целого как *обнаруживающего* эти силы. Например, планеты Солнечной системы являются не только её частями, но и действующими в ней силами. Каждый живой организм является не только частью своего биоценоза, но и действующей в нём силой. Все участники какой-либо команды представляет собой не только её части, но и её силы.

Точно также каждый орган живого тела представляет собой не только его часть, но и силу, обеспечивающую процесс его жизни. Говорят, например, о сердечной, о почечной, о лёгочной недостаточности. О самом живом существе говорят: "он полон сил" или, наоборот, "силы покинули его". В спорте говорят о сильных игроках, о сильных командах. Существуют выражения: *сильный* учитель, *сильный* руководитель, "сделаю всё, что в моих силах", или "без этого специалиста у них не хватит сил". Говорят также, что в этой стране *сильна* космонавтика, *сильна* наука, и т.д.

Именно на этой ступени логического инстинкта в головах учёных появляются представления о наличии в природе каких-то самостоятельно существующих и действующих сил. Так, например, в век Просвещения говорили о существовании теплорода, электрических жидкостей, жизненной силы и т.д.

В наше время тоже говорят о наличии в природе каких-то ещё неизвестных нам сил. И это вполне нормально. Главное, что б эти силы не преподносились как нечто самодостаточное и независимое от предметного (вещного) мира.

§ 137. Силы вещи не остаются замкнутыми в ней самой. Они обнаруживают себя через её *внешние* проявления. Отсюда третий вид существенных связей – связь *внутреннего* и *внешнего*.

в) Внутреннее – внешнее

§138. В основе этого вида связи лежит *внутреннее* содержание вещи. Обе формы вещи – и внутренняя, и внешняя – так или иначе подчинены этому содержанию и выражают его собой. Внутренняя форма (строение) вещи связана с ним непосредственно,

а внешняя форма – опосредовано, с учётом её подчинённости внешнему миру.

§139. С этой точки зрения обе формы вещи – и *внутренняя* форма (строение), и *внешняя* форма (вид) образуют противоположность. Внутренняя форма есть единство вещи с самой собой, а внешняя форма есть её единство с окружающим миром. Но так как обе они в конечном счёте выражают одно и то же содержание вещи, то они едины в своей противоположности.

§140. В силу этого в своём внешнем проявлении вещи не показывает ничего такого, чего не было бы в их внутреннем содержании. И наоборот, в их внутреннем содержании нет ничего такого, что не являлось бы. Если, например, мы сравним между собой корову, как травоядное животное, и волка, как хищное животное, то найдём, что они отличаются друг от друга не только внешне, по своему облику и поведению, но и внутренне, по строению своей пищеварительной системы. И обе эти стороны – их внутреннее строение и их внешнее поведение – существенным образом связаны между собой.

Точно так же, продолжая примеры, обстоит дело и с духовной составляющей человека. Каков человек по своему воспитанию, образованию, жизненному опыту, таков он в своих внешних проявлениях, в своей реальной деятельности. Т.е. внутренний (духовный) мир людей (их цели, их намерения) становится доступным для нас через их дела. Каков человек внешне, в своих поступках, таков он и поистине. Как сказано в священном писании: "По плодам их узнаете их".

§141. Три названных вида существенных связей переходят друг в друга. Целое состоит из частей. Части проявляют себя как силы. А силы обнаруживают себя через внешнее действие вещи, благодаря чему она (вещь) становится *действительной*.

Действительность – это то, что действует.

Действительность

§ 142. В отличие от сущности, мыслимой в её голой абстракции, говоря о действительности, мы уже имеем принципиальное понимание того, что является существенным в вещах и посредством каких определений оно постигается. Если сразу после обнаружения меры наличного бытия интересующих нас предметов мы ставим вопрос о необходимости познания их *сущности*, то на том этапе сущность ещё оставалась для нас логически неопределённой. Но, проделав далее необходимую работу, мы пришли к пониманию того, что именно является существенным в вещах.

Отсюда становится ясным различие между *сущностью* и *истиной*. Читаем у Г. Гегеля: "Истинное и сущность не одно и то же: истинное есть мыслимая [познанная – С.Т.] сущность, тогда как сущность есть лишь простое *в себе*"¹. Вот такая мыслимая нами категория сущности позволяет нам перейти от *явления* вещи к её *действительности*. "Наличный мир, рассматриваемый в его истине, а не так, как его встречает своими органами чувств слышащий, видящий и т.д. человек, вот этот мир и есть *действительность*"².

Действительность – это, во-первых, та вещь, существование которой обусловлено той системой, которой она принадлежит. Это, во-вторых, та вещь, которая в своём развитии уже достигла развитого зрелого состояния (состояния для себя). То, что есть "в себе", ещё не есть в своей действительности. Говоря о действительности вещей, мы имеем в виду уже не "гадкого утёнка", а взрослого лебедя, уже не глупого дитя, а зрелого человека, уже не первобытное общество, а современную цивилизацию. В-третьих, это та вещь, которая действительно *действует* сообразно её собственной природе, согласно её сущности.

Это, следовательно, не тот микроскоп, которым забивают гвозди и который в этой роли является, по сути, плохим молотком, а это *действительный* микроскоп, которым пользуются по назначению. Это, следовательно, не гадкий "утёнок", которого заклёвывали обычные утята, а *действительный* лебедь. Это, наконец, не какие-то тоталитарные секты и асоциальные объединения людей, а вполне нормальное *действительное* человеческое общество.

Конечно, в жизни имеют место быть и микроскопы, которыми забивают гвозди, и люди-маугли, которые уже никогда не станут действительными (полноценными) людьми, и различные объединения людей, принципы существования которых несовместимы с принципами жизни нормального общества, но все эти вещи являются исключением из общего правила. Они возникают и существуют по тому же принципу, по которому существуют паразиты на здоровом теле животного. Не будь *действительных* микроскопов, *действительных* (нормальных) людей, *действительного* (нормального) общества, не было бы и таких их побочных проявлений.

Обнаружение действительности есть сама действительность. Когда по поводу того или иного человека говорят, что он *действительный спортсмен*, или *действительный учёный*, или *настоящий* (действительный) *электрик*, то это означает, что его реальные действия соответствуют тому, что он должен делать, как спортсмен, как учёный, как электрик.

К этому пункту логики относится знаменитое высказывание Гегеля: ***то, что действительно, то разумно, а что разумно, то действительно.*** Если мы имеем перед

¹ Гегель. Лекции по истории философии. Сочинения. Т. 10. М., 1932. С. 90.

² Гегель. Лекции по истории философии. Сочинения. Т. 10. М., 1932. С. 90.

собой вещь, которая находится в развитом состоянии и которая функционирует согласно своей сущности, то такая вещь является *действительной*. Это значит, что она может быть познана нами посредством тех её определений, которые относятся уже к сфере действительности. И только благодаря таким определениям, мы можем получить её разумное понятие. Отсюда первая часть фразы Гегеля: *что действительно, то разумно*.

И наоборот, если реальная вещь соответствует её разумному понятию, то она является *действительной*. Одно дело понятие вещи, совсем другое её реальность. Не все вещи в силу тех или иных обстоятельств могут соответствовать своим понятиям. Поэтому такие вещи не могут быть признаны нами действительными, а значит и разумными. Отсюда смысл второй части фразы Гегеля: *только то, что разумно, то действительно*.

§143. Чтобы быть действительной, вещь должна иметь **возможность** для своего действия. Возможность – это то, без чего данная вещь не может стать действительной.

На первый взгляд *возможность* представляется нам более богатым определением, чем *действительность*. Но с логической точки зрения всё обстоит как раз наоборот: *действительность* является более широким определением, поскольку именно она содержит в себе *возможность*. Справедливо говорят, что *всё возможно, но не всё действительно*. Например, моя действительность как человека, имеющего музыкальное образование, содержит в себе возможность моей работы в качестве учителя музыки, или в качестве музыканта в оркестре, или композитора, или в качестве кого-то ещё.

§144. Когда возможность переходит в действительность, то она становится *реализованной возможностью*. Реализуется же возможность в форме *случайности*.

§145. Переход возможности в случайность определяется реальным *содержанием* вещи. Так, например, имея музыкальное образование, я мог бы стать учителем музыки, или музыкантом в оркестре, или композитором. Допустим, я стал учителем музыки. С точки зрения имевшихся возможностей мой выбор оказался случайным. Я сделал его, исходя из своих *внутренних* побуждений. Обществу же тем более безразлично, кто именно из миллионов граждан будет выполнять ту или иную функцию, лишь бы она *действительно* выполнялась.

§146. Случайность, как реализованная возможность становится, в свою очередь, внешней возможностью для вхождения в действительность других вещей. Быть возможностью для других вещей – это *условие*. Например, поскольку я стал учителем музыки, а не музыкантом в оркестре, постольку другой человек получил возможность стать музыкантом. Случайность моего выбора обернулась для него возможностью занять оставшееся свободным место. С другой стороны, поскольку я стал учителем музыки, постольку я превратился в условие для появления желающих обучаться музыке. Так *случайность* переходит в *условие*.

Древнее изречение: "Хочешь жить сам, давай возможность жить другим" – относится как раз к данному пункту логики. Но здесь это изречение должно быть сформулировано иначе: "Хочешь иметь условия для своей жизни, будь условием (создавай условия) для жизни других".

Условия представляются нам обычно чем-то совершенно невинным в отношении вхождения вещей в действительность. На деле же именно условия представляют собой своего рода материнское лоно для появления чего-либо нового. Без наличия соответствующих условий вещь будет оставаться лишь в возможности. И только при появлении соответствующих условий она может стать действительной. Так, например, если в данном населённом пункте находятся желающие получать музыкальное образование, если приобретаются инструменты, выделяется помещение, то всё это в итоге становится *условием* для появления в нём учителя музыки.

§147. Когда все условия имеются налицо, тогда предмет необходимо становится действительным. Тем самым от *условия* мы переходим к определению *предмета*. Именно условия предопределяют собой необходимое содержание предмета. Другими словами, предмет должен соответствовать предъявляемым к нему со стороны условий требованиям. Всем знакомы объявления типа: "Требуется молодые мужчины, до 40 лет, с таким-то образованием, со знанием языков, опытом работы..." и т.д. В других ситуациях говорят так, что "работать в таких условиях другой человек просто не смог бы".

Когда же предмет соответствует условиям, тогда он необходимо становится действительным.

§147а. Единство *предмета* и *условий* даёт нам переход к определению *действия*. Действуя, предмет переносит условия на себя, чем придаёт им действительность, а себя – на условия, чем придаёт себе действительность. Например: наличие помещения, музыкальных инструментов и учеников позволяет учителю музыки действительно осуществлять свою деятельность. И без такой его *деятельности* не будет ни действительных учеников, ни действительной музыкальной школы, ни действительных инструментов. Они будут в наличии, но не в действии.

§148. Действительность, раскрывающаяся через единство определений *условие*, *предмет* и *действие*, даёт нам определение *необходимости*. Действие каждого *предмета* предопределено тем кругом условий, которому он принадлежит. Действия самих *условий*, выступающих уже в качестве предметов, определены другими условиями и их *действиями*. И так далее, вплоть до пределов той системы, которой все эти предметы принадлежат. Такая целокупность взаимосвязанных друг с другом *условий*, *предметов* и *действий* даёт нам определение *круга необходимости*.

Для существования любого предмета необходим определённый круг соответствующих ему условий, предметов и деятельностей. Человеку, чтобы жить, надо иметь: дом, ванну, кровать, завтраки и обеды, телефон и телевизор, родственников, друзей, коллег, работу, отдых, спорт и прочее. Как ни удачно складывалась жизнь Робинзона Крузо на его острове, он всё равно стремился вернуться назад к людям, в свой *круг необходимости*. И сколько, говорят, волка ни корми, он всё равно в лес смотрит, поскольку только в лесу он найдет свой круг необходимых ему условий, предметов и действий. Вне, помимо такого *круга необходимости* предмет не может обрести свою действительность.

§149. *Круг необходимости* представляет собой единую наполненную содержанием сущность. Каждый из принадлежащих этому кругу предметов находится на своём месте, представляя собой одновременно и собственно *предмет*, и *условие* для других предметов, и *действие*. И только в пределах такого круга необходимости предметы обретают свою *свободу*. Но не свободу произвола, не "свободу" делать всё, что хочешь и как хочешь (крушить, уничтожать и т.д.), а истинную положительную свободу действий, определяемую существующими в данном круге необходимости условиями, предметами и действиями. Так необходимость переходит в *свободу*.

Отсюда видно насколько неправильным является понимание *свободы* и *необходимости* как двух взаимоисключающих определений. Конечно, необходимость как таковая ещё не есть свобода, но свобода имеет своей предпосылкой необходимость и содержит её в себе. Если человек осознаёт содержание своей деятельности чем-то необходимым, то этим нисколько не наносится ущерба его свободе. Наоборот, только благодаря осознанию такой необходимости он может быть действительно свободным.

§149а. Каждая качественно отличная ступень нашего мира – Вселенная, биосфера, человечество – представляют собой такой круг необходимости. И в каждом таком круге мы находим три вида *отношений действительности*:

- а) субстанциальное отношение,
- б) причинное отношение,
- в) отношение взаимодействия.

а. Субстанциальное отношение

§150. В составе своего круга необходимости каждый единичный предмет представляет собой *акциденцию*. В переводе с латинского *accidentia* означает случайное, преходящее, несущественное. Вселенная, например, состоит из бесконечного ряда отдельных небесных тел (акциденций). Биосфера – это мириады отдельных живых организмов (акциденций). Человечество – это 9 млрд. человек (акциденций) и бесчисленное количество созданных ими предметов.

§151. Акциденции, рассматриваемые через последовательный ряд определений необходимости (условие, предмет, действие), находятся в существенной связи друг с другом. В своём единстве (совокупности) они образуют субстанцию данного круга необходимости.

Субстанция – это *тотальность акциденций*. Например, тотальность небесных тел (акциденций) даёт нам субстанцию Вселенной. Тотальность живых организмов нашей планеты (акциденций) – субстанцию биосферы. А тотальность людей (9 млрд. чел.) даёт нам субстанцию человечества.

Substantia в переводе с латыни означает *основу, подстилающий слой*. Под этим словом принято понимать то, что лежит в основании всего существующего в этом мире. Но если мы будем искать субстанцию в качестве существующей отдельно от акциденций, то при всей фантазии мы её в таком виде нигде не найдём. Без акциденций, связанных между собой кругом определений необходимости, субстанции не существует.

Категории *субстанции* в том её значении, которое вкладывал в неё Бенедикт Спиноза, не хватало противоположного ей определения *акцидентальности*. Т.е., не хватало признания того, что она (субстанция) состоит из акциденций. Этот недостаток был восстановлен Г.В. Лейбницем в его учении о *монадах* (от греч. *monas* – *единица*). Монады у Г.В. Лейбница имеют тот же смысл, что и наши акциденции.

§151а. Являясь тотальностью акциденций, *субстанция* раскрывает себя:

- а) как их *абсолютная мощь*,
- б) как *богатство* всякого заключённого в них (акциденциях) *содержания*.

В круге определений необходимости каждый предмет соединён со своими условиями, а через них – со всеми другими предметами. Соответственно активность всех входящих в данный круг необходимости предметов (акциденций) проявляется через действие образуемой ими субстанции. С этой точки зрения субстанция представляет собой не просто механическую совокупность акциденций, а их абсолютную *мощь*, мощь их действия.

Например, каждый живой организм активен сам по себе. А биосфера, как тотальность своих живых организмов, представляет собой совокупную мощь их действия. Точно так же каждое небесное тело активно само по себе. А их тотальность – т.е. субстанция Вселенной – представляет собой совокупную мощь их действия.

То же самое и с человечеством. Его субстанцию образуют все те люди, которые населяют сегодня планету. При этом каждый человек реализует свою активность в одной из сфер жизнедеятельности общества. И через эту свою активность он полагает себя в качестве момента единой субстанции человечества. Соответственно, и мощь действия субстанции человечества складывается из деятельности всех её акциденций, т.е. всех реально существующих людей. (И прошлых поколений в виде их опредмеченной деятельности.)

Единица – вздор, единица – ноль,
 один – даже если очень важный –
 не подымет простое пятивершковое бревно,
 тем более дом пятиэтажный.
 А если в партию сгрудились малые –
 сдайся, враг, замри и ляг!
 Партия – рука миллионопалая,
 сжатая в один громящий кулак.

Если в этом поэтическом творении Владимира Маяковского слово *единица* заменить на *акциденцию*, а *партия* – на *субстанцию*, то оно великолепно передаёт смысл субстанциального отношения действительности.

§152. Мощь действия субстанции есть нечто только потенциальное. Для того чтобы она перешла в действие, необходимо *причина*. Поскольку субстанция представляет собой тотальность своих акциденций, то это значит, что причина её действия находится не вне её, а в ней самой, в её акциденциях.

б. Причинное отношение

§153. У *причины* нет никакого другого назначения, как только переходить в *действие* и реализовывать себя в нём. В *действии* также нет никакого иного содержания, чем в его причине. Поэтому причина и действие едины в своей противоположности: действие вырастает из причины, а причина переходит в действие и только в него.

§154. Причина при этом раскрывает себя с двух сторон:

- а) как собственно *причина* действия,
- б) как причина в *действии*.

В единстве обеих сторон причина представляет собой подлинную *causa sui* – причину самой себя. Она не нуждается ни в какой дополнительной (сторонней) причине.

А это значит, что:

- а) есть только *одна* причина действия субстанции,
- б) эта причина находится не *вне субстанции*, а в ней самой, в её акциденциях,
- в) как причина она *едина в себе*, но раскрывает себя с двух сторон:
 - как *причина* действия (причина *в себе*),
 - как причина в *действии* (причина *для себя*).

Разберём это положение на следующем примере. Субстанцию человеческого общества образуют люди, её акциденции. Каждый человек представляет собой индивидуальный генератор деятельности. А совокупная деятельность всех людей образует мощь действия субстанции человечества.

Чтобы осуществлять свою деятельность, человеку необходимо:

- а) приобретать энергию и за счёт этого восстанавливать самого себя как *причину* действия (как причину *в себе*),
- б) реализовывать приобретённую энергию, т.е. проявлять себя как причину в *действии* (как причину *для себя*).

В реальной жизни указанные стороны причины деятельности людей раскрывают себя: а) как потребность человека в самой деятельности (в труде), и б) как его материальная заинтересованность в результатах своей деятельности (труда). Обе эти стороны едины в своей противоположности. Деятельность человека содержит в себе материальный интерес. А материальный интерес оборачивается в конечном счёте заботой человека о своей деятельности.

в. Отношение взаимодействия

§155. Чтобы действие субстанции могло состояться, необходимо наличие того, на что оно должно быть направлено. Следовательно, должна быть дана *другая субстанция*, на которую может быть направлено действие *первой*. Эта *другая* субстанция, рассматриваемая в своей непосредственности, не является действующей, она не активна, а *пассивна*. Но как субстанция, т.е. как тотальность своих собственных акциденций, она не бездеятельная и не безропотна. Она *реагирует* на вкладываемое в неё действие первой субстанции. Первая субстанция, в свою очередь, воспринимает эту реакцию и также реагирует на неё. Тем самым действие порождает реакцию, которая сама становится действием, порождающим новую реакцию и так далее. В результате действие одной субстанции на другую переходит в процесс их *взаимодействия*.

Так, например, дети, увлечённые своим воображением, описывают баталии, в которых они когда-то будут принимать участие: "А я ему так дам, потом так дам, потом повалю" и т.д. А умудрённые жизненным опытом люди говорят: "Война план покажет".

§156. В процессе взаимодействия определения сторон меняются местами. Одна сторона (одна субстанция) выступает таким же равноправным соучастником взаимодействия, как и другая (другая субстанция). Обе стороны в равной степени обнаруживают по отношению друг к другу как свою *активность*, так и свою *реактивность*. Действие порождает реакцию, реакция сама становится действием, порождающим встречную реакцию и т.д.

Например. Человечество действует на окружающую его природу. Причём делает это не произвольно, а считаясь с тем, как она устроена. Природа реагирует на вкладываемое в неё действие и за счёт этого заставляет считаться с собой. Людям приходится учитывать эту реакцию и подчинять свою деятельность требованиям природы. В силу этого действие человечества на природу с необходимостью переходит в процесс их взаимодействия.

Чтобы обычная лодка могла держаться на поверхности воды, вес её конструкции не должен превышать веса вытесняемой ею воды. В этом законе уже учитывается реакция природы, выступающей в данном случае в образе воды, на вкладываемое в неё действие. И только учёт этой реакции позволяет человеку достигать своих целей. Делать суда и ходить на них по рекам и морям.

§157. Благодаря отношению взаимодействия сохраняется *материальное единство* мира. Человечество взаимодействует с окружающей его живой и неживой природой. Биосфера, в свою очередь, взаимодействует с веществом нашей планеты и энергией Солнца. А наша планета, сообразно узловым меркам, выполняет свою акцидентальную роль в безграничном храме Вселенной.

§158. Через отношение взаимодействие *лежит путь к понятию*.

Что такое понятие? Это то, что надо понять. Но для того, что бы что-то понять, его надо сначала воспринять чувственно. Надо увидеть этот предмет, услышать его, ощупать, обнюхать, вкусить. Вот это и происходит в процессе нашего взаимодействия с окружающим миром. А уже далее из таких первичных ощущений в наших головах формируются знания о воспринимаемом предмете – его образ, представление и понятие.

И не важно, знаем мы о том, как это происходит или нет. Вне зависимости от этого наше мышление так или иначе производит все имеющиеся у нас знания благодаря его *логическому инстинкту*.

Являясь природной основой нашего мышления, этот *логический инстинкт* рано или поздно должен был стать предметом нашего познания. И вот эта работа по раскрытию и описанию нашего логического инстинкта была проделана Гегелем в "Науке логики".

Уже рассмотренные нами здесь первые её две части – *учение о бытии* и *учение о сущности*, которые в своём единстве образуют *объективную логику*, показывают нам порядок действия нашего логического инстинкта.

Спустя несколько десятилетий после Гегеля Франц Brentano (1838-1917) и Эдмунд Гуссерль (1859-1938) ввели в научный оборот понятие *интенциональность*. Этим понятием они обозначали то, что ход познавательной деятельности нашего мышления определяется предметным содержанием того, что мы познаём. Но каким именно содержанием и в какой последовательность его освоения? На эти вопросы данные философы не дали сколь-либо вразумительного ответа.

Да, собственно, этого ответа уже и не требовалось, поскольку он был дан Гегелем в его "Науке логики". Тот ряд категорий, который описывается в "Учении о *бытии*" и "Учении о *сущности*", как раз и представляет собой то самое содержание предметов, их фактуру, ориентируясь на которую мышление выстраивает знания.

§159. Как создаются понятия? Ответ на этот вопрос призвана дать третья часть "Науки логики" – "Учение о понятии". И эта третья её часть называется уже *субъективной логикой*. На ступени бытия мы только обнаруживаем интересующие нас предметы и определяем их меру. На ступени сущности мы исследуем их изнутри и прослеживаем их внешние связи. А на ступени понятия мы формулируем собственно понятия предметов.

Всё то, что мы рассматривали до этого, было лишь *корешками* деятельности нашего мышления. Всё то, с чем нам предстоит познакомиться далее в "Учении о понятии", будет представлять собой уже её *вершки*. Вот как пишет по поводу этого перехода сам Гегель: "Объективная логика, рассматривающая бытие и сущность, составляет *генетическую экспозицию* понятия"¹. Т.е. объективная логика предопределяет собой ту деятельность нашего мышления, в ходе которой оно выстраивает сами понятия предметов.

Учение о понятии – это продолжение описания познавательной деятельности нашего мышления в той её части, которая имеет своей целью построение понятий предметов.

Вот та последовательность категорий, которую мы проследили в учении о сущности:

тождество – различие
противоположность

основание – обоснование
существование

вещества – свойства
вещь

материя – форма

Явление

внутренняя форма (строение) – внешняя форма (вид)
содержание

строение – содержание
закон

¹ Гегель. Наука логики. Т.3, М., 1972. С.10.

*часть – целое
сила – обнаружение
внутреннее – внешнее*

Действительность

*возможность – случайность
условие*

*предмет – действие
круг необходимости*

*субстанция – акциденции
мощь*

*причина в себе – причина для себя
действие*

*одна субстанция – другая субстанция
взаимодействие*

БЫТИЕ + СУЩНОСТЬ = ПОНЯТИЕ